

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ДЕВИАЦИИ ГРАЖДАН В ПОСЛЕВОЕННОМ СОВЕТСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

М. А. Клинова, А. В. Трофимов,

*Уральский государственный экономический университет,
г. Екатеринбург, Российская Федерация*

В статье рассматривается проблема отражения в советском официальном политическом дискурсе экономических девиаций во второй половине 1940-х — начале 1950-х годов. Послевоенное восстановление экономики страны в значительной мере зависело от успешного искоренения экономических девиаций, существовавших в послевоенном советском социуме, среди которых приоритетные позиции занимали различные трудовые нарушения, а также деятельность стратегии граждан, наносящие экономический ущерб государству. На основе анализа Конституции 1936 г., партийных документов, выступлений и высказываний политических акторов, архивных материалов выявляются функции советского политического дискурса: информирование, убеждение, принуждение, сопротивление, легитимация, идентификация, манипулирование, регуляция. Зафиксированные в политических дискурсивных практиках экономические девиации объяснялись наличием «пережитков капитализма» в сознании и поведении отдельных «несознательных граждан». Показаны пределы и возможности политического дискурса в контексте преодоления отклоняющихся экономических стратегий, обозначившихся в советском социуме после завершения Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: советский политический дискурс, экономические девиации.

Политический дискурс включает в себя совокупность существующих в социуме семиотических практик, посредством которых власть, медиа, оппозиция, акторы и институты стремятся либо укрепить сложившуюся систему общественных отношений, либо дестабилизировать ее. К функциям политического дискурса принято относить: информирование, убеждение, принуждение, сопротивление, легитимацию, идентификацию, манипулирование, регуляция и др. Во второй половине 1940-х — начале 1950-х годов происходила определенная корректировка политических дискурсивных практик, связанная, как с необходимостью перехода от войны к миру, так и с устранением многочисленных дисбалансов и решением социально-экономических проблем. В данной статье предпринимается попытка выявления содержательной стороны, пределов и возможностей политического дискурса в контексте преодоления экономических девиаций, обозначившихся в советском социуме после завершения Великой Отечественной войны.

Решение задачи послевоенного восстановления экономики страны осуществлялось в русле мобилизационной модели, что означало, в стилистике эпохи, борьбу за выполнение и перевыполнение пятилетних планов развития народного хозяйства. Процесс «борьбы» включал в себя и искоренение экономических девиаций, существовавших в послевоенном советском социуме, среди которых приоритетные позиции занимали различные трудовые нарушения, а также деятельность стратегии граждан, наносящие экономический ущерб государству.

В советском политическом дискурсе значительное внимание уделялось нормативным трудовым стратегиям граждан, получившим правовое закрепление в Конституции СССР (1936 г.) и Конституции РСФСР (1937 г.). Трудовая деятельность рассматривается в Главе X «Основные права и обязанности

граждан». Перечень социально-экономических прав советского гражданина открывало именно право на труд, тем самым особо подчеркивалась его значимость среди прочих прав и свобод. В статье 118 Конституции СССР и 122 Конституции РСФСР констатировалось: «Граждане ... имеют право на труд, то есть право на получение гарантированной работы с оплатой их труда в соответствии с его количеством и качеством. Право на труд обеспечивается социалистической организацией народного хозяйства, неуклонным ростом производительных сил советского общества, устранением возможности хозяйственных кризисов и ликвидацией безработицы» [4; 5]. В текстах Конституций трудовая деятельность презентовалась не только как *право*, но и как *обязанность* населения. В Главе 1 «Общественное устройство» был обозначен один из главных принципов советского социально-экономического устройства: «Труд ... является обязанностью и делом чести каждого способного к труду гражданина по принципу: “кто не работает, тот не ест” ... осуществляется принцип социализма: “от каждого по его способности, каждому — по его труду”» [4; 5]. Понимание труда, как деятельности, выполнение которой является обязательным для всех граждан, раскрывается и в статьях 130 Конституции СССР и 134 Конституции РСФСР: «Каждый гражданин ... обязан соблюдать Конституцию ... исполнять законы, блюсти дисциплину труда, честно относиться к общественному долгу» [4; 5].

Помимо трудовой деятельности в ст. 131 Конституции СССР 1936 г. и ст. 135 Конституции РСФСР 1937 г. фиксировалась обязанность граждан, «беречь социалистическую собственность»: «Каждый гражданин ... обязан беречь и укреплять общественную, социалистическую собственность, как священную и неприкосновенную основу советского строя, как источник богатства и могущества родины, как

источник зажиточной и культурной жизни всех трудящихся». Важность бережного отношения к социалистической собственности акцентировалась путем стигматизации любых преступных посягательств граждан на общественные блага: «Лица, покушающиеся на общественную, социалистическую собственность, являются врагами народа» [4; 5]. В контексте советского политического дискурса на основе этих конституционных норм «активировались» функции легитимации, убеждения, принуждения, манипулирования, регуляции.

Приоритетность защиты социалистической собственности, как и суровость наказаний за посягательства на нее, определялась, в том числе, и достаточно категоричным отношением Сталина к данной проблеме. В одном из писем Кагановичу еще в 1932 г. Сталин писал: «Социализм, не сможет добиться и похоронить капиталистические элементы и индивидуально-рваческие привычки, навыки, традиции (служащие основой воровства), расшатывающие основы нового общества, если он не объявит общественную собственность (кооперативную, колхозную, государственную) священной и неприкосновенной» [14, с. 241]. Данное суждение подкреплялось правоприменительной практикой 1930—1940-х гг., носящей репрессивный характер и призванной в короткие исторические сроки создать «нового» человека, с осознанным отношением к социалистической форме собственности.

В политической риторике механизм стигматизации практик хищения социалистической собственности реализовывался путем масштабирования негативных последствий данных преступлений, определения их как антигосударственных и антинародных деяний, синонимичных предательству: «...вор, расхищающий народное добро и подкапывающийся под интересы народного хозяйства, есть тот же шпион и предатель, если не хуже» [15, с. 136]. Для пресечения хищений социалистической собственности необходимым виделось создание такой «моральной атмосферы среди рабочих и крестьян, которая исключала бы возможность воровства, которая делала бы невозможными жизнь и существование воров и расхитителей народного добра» [15, с. 136]. В соответствии с поставленной целью борьба с хищениями презентовалась как личная задача каждого советского человека: «каждый честный советский гражданин должен рассматривать расхитителей социалистической собственности не только как врагов государства, но и как своих личных врагов» [15, с. 136]. В советском политическом дискурсе широко использовался «образ врага» (не только внешнего, но и внутреннего) для мобилизации «трудящихся масс» на борьбу с «растратчиками», «расхитителями», «прогульщиками» и т. п. типажам, что нашло отражение в репрессивных кампаниях 1930—1940-х гг.

Тенденция приоритетной правовой защиты государственной и общественной собственности сохраняется и в послевоенный период. Реализуя установки официального политического дискурса в практической плоскости в этот период были проведены масштабные мероприятия, направленные на усиление борьбы с хищениями государственной

и общественной собственности. Важно отметить, что в отличие от итогов кампаний, направленных на повышение производительности труда, снижение себестоимости продукции или результатов, достигнутых в решении кадровой проблемы, «достижения» кампании по борьбе с хищениями не популяризировались. В официальных документах, отражающих перспективные направления экономического развития государства, проблематика различного рода хищений социалистической собственности, не акцентировалась, как и результаты борьбы с данным явлением. В текстах четвертого и пятого пятилетних планов само понятие «хищение» не упоминается ни разу, тема хищений и борьбы с ними вообще не обозначена. Обращение к данной проблематике в контексте политической риторики послевоенного периода фиксируется в текстах выступлений делегатов XIX съезда ВКП(б) — КПСС (1952 г.). Делегаты съезда Н. И. Беляев (Алтайский край), К. П. Жуков (Воронежская обл.), А. Н. Поскребышев и М. Ф. Шкирятов (Москва), указывая на наличие проблемы хищений в регионах РСФСР (на уровне отдельных примеров), акцентируют внимание на ее достаточно эффективном решении — «виновные наказаны» [3]. Практически не освещались в официальном властном дискурсе и результаты борьбы с трудовыми девиациями (прогулами, дезертирством, бесхозяйственностью и пр.).

Советский политический дискурс послевоенного периода содержал указание на необходимость искоренения различного рода экономических девиаций граждан. Наличие данных проблем обозначалось при помощи императивных установок на необходимость преодоления «бесхозяйственности» и «разбазаривания» благ, а также посредством таких более «мягких» категорий, как «экономия», «бережливость», «рачительность» и т. п. В тексте «Закона о пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства РСФСР на 1946—1950 гг.» зафиксировано требование: «повысить внимание хозяйственных организаций к мобилизации внутренних ресурсов, к режиму экономии и решительной ликвидации потерь от бесхозяйственности и непроизводительных затрат» [17, с. 27]. В докладе Председателя Госплана М. З. Сабурова «Директивы XIX съезда партии по пятому пятилетнему плану развития СССР на 1951—1955 гг.» также подчеркивается необходимость борьбы с бесхозяйственностью: «Нужно воспитывать наши кадры в духе непримиримости к недостаткам в организации производства, к любым проявлениям бесхозяйственности и бюрократизма» [11, с. 4]. В принятом на XIX съезде ВКП(б) — КПСС «Уставе КПСС» «борьба с расхлябанностью и бесхозяйственным ведением дела на предприятиях, в совхозах, колхозах» обозначалась в качестве одной из приоритетных задач первичных партийных организаций [6, с. 298]. Проблема «бесхозяйственности» рассматривалась как следствие недостаточной сознательности части граждан, и предполагалось, что ее можно решить, используя механизмы убеждения и принуждений.

Категория «экономия» была акцентирована в нормативных документах, посвященных проблемам незаконного расходования населением

государственных ресурсов. В тексте постановления Совета Министров СССР № 1432 от 7 мая 1947 г. отмечено: «Министерства и главные управления не осуществляют контроль за использованием спирта предприятиями, не принимают должных мер к экономному расходованию его ... в больших количествах спирт расходуется не по назначению, расхищается, разбазаривается на сторону и выдается для выпивки разным лицам бесплатно и за плату по цене промышленности 3 руб. 80 коп. за литр при розничной цене 241 руб. 94 коп.» [1, л. 123]. Обращение к категории «экономия» также фиксируется в документах, вскрывающих факты незаконных выплат руководителями премий, начисления избыточных командировочных расходов, ведущих «к расточительному расходованию государственных средств» и пр. [2, л. 172, 247, 335]. Соблюдение режима «экономии» противопоставлялось практикам расхищения ресурсов.

В целом, перечень стигматизируемых экономических практик населения составляли различные виды хищений социалистической собственности (растраты, мошенничество и пр.), спекуляция, трудовые девиации (прогулы, бесхозяйственность и т. п.). Интенсивность обращения к той или иной девиации в политическом дискурсе послевоенного периода определялась стадийностью проводимых кампаний. В 1948—1951 гг. палитра властной риторики, направленной на конструирование аномалий в послевоенном советском социуме, расширилась посредством актуализации словосочетания: «лица, ведущие антиобщественный, паразитический образ жизни», применяемого в отношении граждан «злостно уклоняющихся от общественно-полезного труда» (колхозников, не вырабатывающих необходимый минимум трудовой, либо лиц, занимающихся нищенством и бродяжничеством) [8, с. 12, 37].

Проводимые политические кампании широко освещались средствами массовой информации. В 1947 г. в связи широко развернувшейся в СССР кампанией по борьбе с хищениями, увеличивается количество материалов в периодических изданиях, посвященных данной теме, появляются новые ярлыки-идеологемы маркирующие данную девиацию. Так, например, автор одной из статей, опубликованных в журнале «Социалистическая законность» (1947 г.) отмечает: «Хищники социалистической собственности ... понесли заслуженное наказание» [16, с. 21].

В советском политическом дискурсе в качестве причин девиантных экономических практик населения, как правило, обозначались «пережитки капитализма». Так, в журнале «Пропаганда и агитация» за 1947 г. отмечалось: «В нашей стране паразитический образ жизни нетерпим, является преступлением. Отдельные паразитические элементы в нашем обществе это носители гнусных привычек и пережитков капитализма, чуждых нашему обществу, глубоко противоречащих морали советского человека и правилам социалистического общежития. Именно такие пережитки капитализма в сознании людей, как эгоистическое стремление жить за счет других, отлынивание от честного труда, стремление к легкой наживе, моральная нечистоплотность к своему

общественному долгу, пренебрежение общественными, государственными интересами ради своих корыстных личных интересов и так далее порождают такие преступления, как кража, расхищение социалистической собственности, спекуляция, растрата государственных и общественных средств, подлоги, взяточничество, мошенничество» [12, с. 39].

Тезис об обусловленности экономических девиаций «капиталистическим наследием» фиксировался не только в периодической печати, но фигурировал в докладах политических лидеров и в официальных нормативных документах периода. Г.В. Маленков в информационном докладе по деятельности ЦК ВКП (б) на совещании компартий в Польше (1947 г.) указывал: «В настоящее время в работе государственных органов выдвигаются на первый план хозяйственно-организационная работа, укрепление советской законности, борьба против частнособственнических пережитков, борьба за дальнейшее укрепление социалистической собственности и повышение государственной дисциплины во всех областях нашей деятельности» [3, с. 142]. В. М. Молотов в докладе «Тридцатилетие Великой Октябрьской социалистической революции» отмечал: «Нельзя отрицать, что пережитки капитализма в сознании людей весьма живучи» [7, с. 28]. В постановлении Пленума ВС СССР № 7/2/У от 24 июня 1949 г. «О судебной практике по делам о взяточничестве» отмечено: «Борьба с пережитками капитализма в сознании людей является важнейшей задачей в деле коммунистического воспитания как одного из необходимых условий постепенного перехода от социализма к коммунизму. Взяточничество представляет собой один из тех специфических пережитков капитализма, с которыми суды должны вести самую решительную борьбу» [13, с. 26].

В контексте означенного «идеалистического» рассмотрения причинности экономических преступлений ключом к их искоренению виделось воспитание в гражданах честности, сознательности, порядочности, а также коммунистической морали. Апелляция к честности, как к необходимой основе бережного отношения к государственным ресурсам также фиксируется в правительственной риторике послевоенного периода. В постановлении Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) от 25 октября 1946 г. в качестве одной из важных мер по сохранению государственного хлеба отмечено: «укомплектовать и укрепить аппарат ... заготовительных пунктов ... честными работоспособными кадрами ... в первую очередь из состава коммунистов и комсомольцев» [9, с. 78].

Отрицание имманентно присущих советской мобилизационной модели социально-экономических факторов, влияние которых обуславливало выбор гражданами деятельностных стратегий, квалифицируемых в УК РСФСР, снимало с власти ответственность за криминализацию советского социума, значительно усилившуюся в послевоенные годы.

Официальный советский политический дискурс транслировал представление о том, что экономические девиации населения не могут генерироваться в советском социуме, являясь проявлением «капиталистических пережитков в сознании и поведении

людей». Признавалось их наличие в стране на уровне проступков отдельных «несознательных» граждан. Советский официальный политический дискурс был ориентирован на развернутую презентацию «должных» и «правильных» практик, тогда как проявления девиантных деятельностных стратегий населения находились на его периферии. Результаты правоохранительной деятельности власти описывались оптимистичной формулировкой: «виновные понесли заслуженное наказание». Конкретные цифры и показатели «достижений» масштабных кампаний по борьбе с трудовыми и экономическими девиациями граждан, проводимыми в послевоенный период, не популяризировались в официальном политическом дискурсе и материалах СМИ. Послевоенный советский политический дискурс демонстрировал определенную эффективность в реализации функций убеждения, принуждения, манипулирования, регуляции и др., что свидетельствовало, как о наличии «кредита» доверия общества к власти, так и об адаптации значительной части населения к жизни в условиях бедности, в том числе посредством использования замалчиваемых на официальном уровне, девиантных экономических стратегий.

Литература и источники

1. ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 301.
2. ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 332.
3. Информационное совещание представителей некоторых компартий в Польше в конце сентября 1947 года. — М. : Госполитиздат, 1948. — 305 с.
4. Конституция Российской Советской Федеративной Социалистической Республики. Утверждена постановлением Чрезвычайного XVII Всероссийского Съезда Советов от 21 января 1937 г. // Собрание Узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского Правительства

КЛИНОВА Марина Александровна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и философии, Уральский государственный экономический университет (г. Екатеринбург, Российская Федерация).
E-mail: klinowa.m@yandex.ru

ТРОФИМОВ Андрей Владимирович, доктор исторических наук, профессор кафедры истории и философии, Уральский государственный экономический университет (г. Екатеринбург, Российская Федерация).
E-mail: 2519612@rambler.ru

Поступила в редакцию 23 мая 2019 г.

DOI: 10.14529/ssh190305

THE ECONOMIC DEVIATIONS CITIZENS IN POST-WAR SOVIET POLITICAL DISCOURSE

M. A. Klinova, klinowa.m@yandex.ru
Ural State University of Economics, Ekaterinburg, Russian Federation
A. V. Trofimov, 2519612@rambler.ru
Ural State University of Economics, Ekaterinburg, Russian Federation

The paper deals with the problem of reflection in the Soviet official political discourse of economic deviations in the second half of the 1940s — early 1950s. The post-war recovery of the country's economy largely depended on the successful eradication of economic deviations that existed in the post-war Soviet society, among which the priority positions were occupied by various labor violations, as well as the activity strategies of citizens that cause economic damage to the state. On the basis of the analysis of the Constitution of 1936, party documents, speeches and statements of political

actors, archival materials, the functions of the Soviet political discourse are revealed: information, persuasion, coercion, resistance, legitimacy, identification, manipulation, regulation. The economic deviations recorded in political discursive practices were explained through the “optics” of the “remnants of capitalism” in the minds and behavior of individual “unconscious citizens”. The limits and possibilities of political discourse in the context of overcoming the deviant economic strategies that emerged in the Soviet society after the end of the great Patriotic war are shown.

Keywords: soviet political discourse, economic deviations.

References

1. Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii (GARF). F. R-5446. Op. 1. D. 301.
2. Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii (GARF). F. R-5446. Op. 1. D. 332.
3. Informacionnoe soveshchanie predstavitelej nekotoryh kompartij v Pol'she v konce sentyabrya 1947 goda. M.: Gospolitizdat, 1948. — 305 s.
4. Konstituciya Rossijskoj Sovetskoj Federativnoj Socialisticheskoj Respubliki: Utverzhdena postanovleniem CHrezvychajnogo XVII Vserossijskogo S"ezda Sovetov ot 21 yanvarya 1937 g. // Sobranie Uzakonenij i rasporyazhenij raboche-krest'yanskogo Pravitel'stva RSFSR. 1937. № 2.
5. Konstituciya Soyuza Sovetskikh Socialisticheskikh Respublik: Utverzhdena CHrezvychajnym VIII Vsesoyuznym s"ezdom Sovetov 5 dekabrya 1936 g. // Izvestiya CIK Soyuza SSSR i VCIK. 16 dekabrya 1936. № 283.
6. KPSS v rezolyuciyah i resheniyah s"ezdov, konferencij i plenumov CK. 1898 — 1986. Izd devyatoe. T. 8. M.: Politizdat. 1985. — 542 s.
7. Molotov V. M. Tridcatiletie Velikoj Oktyabr'skoj socialisticheskoj revolyucii. M.: Gospolitizdat. 1947. — 32 s.
8. Na «krayu» sovetskogo obshchestva. Social'nye marginaly kak ob"ekt gosudarstvennoj politiki. 1945—1960-e gg. / Avt.-sost. E.YU. Zubkova, T.YU. Zhukova. M.: ROSSPEHN. 2010. — 816 s.
9. Postanovlenie Soveta Ministrov SSSR i CK VKP(b) 25 oktyabrya 1946 g. «Ob obespechenii sohrannosti gosudarstvennogo hleba» // KPSS v rezolyuciyah i resheniyah s"ezdov, konferencij i plenumov CK. 1898—1986. Izd devyatoe. T. 8. M.: Politizdat. 1985. — 542 s.
10. Doklad A.N. Poskrebysheva na XIX s"ezde VKP(b)-KPSS // Pravda. 1952. № 286. 12 oktyabrya. S. 4.
11. Pravda. 1952. № 284. 10 oktyabrya.
12. Propaganda i agitaciya. 1947. № 21.
13. Sbornik dejstvuyushchih postanovlenij Plenuma Verhovnogo suda SSSR 1924—1951 gg. Pod red. A.A. Volina. M.: Izd-vo juridicheskoy literatury. 1952. — 268 s.
14. Stalin i Kaganovich, Perepiska, 1931-1936. M.: ROSSPEHN, 2001. — 798 s.
15. Stalin I.V. O hozyajstvennom polozhenii Sovetskogo Soyuza i politike partii. // Stalin I.V. PSS. T. 8. — 456 s.
16. Suhorukov V. Delo, lezhavshee bez dvizheniya // Socialisticheskaya zakonnost'. 1947. № 12. S. 21—22.
17. Hronologicheskoe sobranie zakonov, ukazov Prezidiuma Verhovnogo Soveta i postanovlenij Pravitel'stva RSFSR. T. 5. 1946-1948. M.: Gos. izdat. yur. lit. 1949. — 520 s.

Received May 23, 2019

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Клинова, М. А. Экономические девиации граждан в послевоенном советском политическом дискурсе / М. А. Клинова, А. В. Трофимов // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». — 2019. — Т. 19, № 3. — С. 33—37. DOI: 10.14529/ssh190305

FOR CITATION

Klinova M. A., Trofimov A. V. The economic deviations citizens in post-war soviet political discourse. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*. 2019, vol. 19, no. 3, pp. 33—37. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh190305